

Не льпо ли ны бѣшть братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий о пълку Игоревъ,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тѣмъ пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню!
Боянъ бо вѣщій,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растъкашется мыслию по древу,
сърымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо, рече,
първыхъ времянъ усобиць.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедь
который дотечаше,
та предъ пѣснь пояше —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже заръза Редедю предъ пълкы касожьскими
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедь пушаше,

нъ своя вѣщиа прѣсты
на живая струны вѣскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

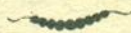

Почнемъ же, братие, повѣсть сию
отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умъ крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплѣнився ратнаго духа,
наведе своя храбрѣя пълкы
на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

Тогда Игорь вѣзръ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
«Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои брѣзѣя комони,
да позримъ
синего Дону».
Спалъ князю умъ
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.

«Хошу бо,— рече,— копие приломити
конецъ поля Половецкаго,
съ вами, русици, хошу главу свою приложити
а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловню стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славню, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.
Пъти было пьснь Игореви,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая —
галицы стады бѣжать
къ Дону великому».
Чи ли въспѣти было,
въщей Бояне,
Велесовъ внуче:
«Комони ржуть за Сулою —
звенить слава въ Киевѣ;
трубы трубятъ въ Новѣградъ —
стоять стязи въ Путивлѣ!»

Игорь ждеть мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ,
одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорю!
оба есвъ Святъславличя!
Съдлай, брате,
свои брѣзьи комони,
а мои ти готови,
осъдлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни свѣдоми къмети:
подъ трубами повити,
подъ шелома възльльяни,
конецъ копия въскрѣмлени,
пути имь въдою,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрии влъци въ поль,
ищучи себе чти, а князю славъ».

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень
и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше;
нощь стонуши ему грозою птичь убуди;
свисть звѣринъ вѣста,
збися дивъ —
кличеть врѣху древа,
велить послушати — земли незнаемъ,

Вльзь,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,

и тебѣ, Тьмутороканьскый блѣванъ!
А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому:
крычатъ тѣлгы полунощы,
рци, лебеди роспушени.

Игорь къ Дону вои ведетъ!

Уже бо бѣды его пасеть птиць
по дубию;
вльци грозу въсрожать
по яругамъ;
орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ;
лисици брешутъ на чръленья шиты.

О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ночь мръкнетъ.
Заря свѣтъ запала,
мѣгла поля покрыла.
Щекоть славий успе;
говоръ галичь убуди.

Русичи великая поля чръленьми щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зараня въ пятокъ
потопташа поганяя плѣкы половецкыя,
и рассушяся стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвки половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтѣмами,
и япончицами,
и кожухы
начаша мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякими узорочьи половѣцкыми.
Чръленъ стягъ,
бѣла хорюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!

Не было оно обидъ порождено,
ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чръный воронъ,
поганый половчине! .
Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
чръныя туча съ моря идуть,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии мльнии.
Быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручати
о шелома половецкыя,
на рѣцъ на Каялъ,
у Дону великаго!

О Руская земля! уже за шеломянемъ еси!

Се вътри, Стрибожи внуци, вьютъ съ моря стрѣла
на храбрыя плѣкы Игоревы.
Земля тутнеть,
рѣкы мутно текутъ,
пороси поля прикрывають,

стязи глаголютъ:
половци идуть отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодь!
Стоиши на борони,
прищеси на вои стрѣлами,
гремлещи о шелома мечи харалужными!
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломамъ посвѣчивая,
тамо лежать поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шелома оварьскыя,
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота,
и града Чрънигова отня злата стола,
и своя милья хоти, красныя Гльбовны
свѣчая и обычая?

Были вѣчи Трояни,
минула лѣта Ярославля;
были плѣци Олговы,
Ольга Святъславличя.
Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли съяше.
Ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тьмутороканъ,
той же звонъ слыша давный великий Ярославъ,
а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Черниговъ.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову
храбра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повель яти отца своего
между угорьскими иноходьцы
ко святой Софии къ Киеву.

Тогда, при Олзѣ Гориславличи,
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьбожа внука;
въ княжихъ крамолахъ въщи челоукомъ скратишася.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевъ кикахуть,
нѣ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы,
а сицей рати не слышано!
Съ заранна до вечера,
съ вечера до свѣта
летять стрѣлы каленыя,
grimлють сабли о шеломы,
трещать копиа харалужныя
въ полѣ незнаемъ,
среди земли Половецкыи.
Чръна земля подѣ копыты костьми была посяяна,
а кровию поляяна:
тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предѣ зорями?

Игорь плѣкы заворочаетъ:
жалъ бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирѣ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.

Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилося.

Уже бо, братие, не веселая година вѣстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».

И начяша князи про малое
«се великое» мльвити,
а сами на себѣ крамолу ковати.
А поганьи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

О, далече, зайде соколъ, птицъ бья,— къ морю!
А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
За нимъ кликну Карна, и Жля
поскочи по Руской земли,
смагу людемъ мычючи въ пламянь розъ.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
а Черниговъ напастыми.
Тоска разлися по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Рускыи.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
побѣдами нарищуше на Рускую землю,
емляху дань по бълъ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,—
Игорь и Всеволодъ —
уже лжу убудиста которою,
ту бяше успилъ отецъ ихъ —
Святъславъ грозный великий киевский—
грозою:
башеть притрепалъ своими сильными плъкы
и харалужными мечи,

наступи на землю Половецкую,
притопта хльми и яругы,
взмуди рькы и озеры,
иссуши потоки и болота.
А поганого Кобяка изъ луку моря,
отъ желъзныхъ великихъ плъковъ половецкыхъ,
яко вихръ, выторже:
и падеся Кобякъ въ градъ Киевъ,
въ гридниць Святъславли.

Ту нъмци и венецици,
ту греци и морава
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во днь Каялы — рькы

половецкыя,—

рускаго злата насыпаша.

Ту Игорьъ князь высѣдъ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощинево.
Уныша бо градомъ забралы,
а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видь
въ Киевъ на горахъ.
«Си ночь съ вечера одъвахуть мя,— рече,—
чръною паполомою
на кровати тисовъ;
чръпахуть ми синее вино,
съ трудомъ смъшено;
сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгъ на лоно
и нгують мя.
Уже дьски безъ княса
в моемъ теремъ златовръсьмъ.
Всю ночь съ вечера
бусови врани възгряху у Пльсьнска,
на болони бѣша дебрь Кияня
и несочася къ синему морю».
И ркоша бояре князю:
«Уже, княже, туга умь полонила;
се бо два сокола слѣтѣста
съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомъ Дону.

Уже соколома крыльца припѣшали
поганыхъ саблями,
а самаю опуташа
въ путины желъзны».

Темно бо бѣ въ 3 день:
два солнца помѣркости,
оба багряная стѣпа погасоста,
и съ нима молодая мѣсяца —
Олегъ и Святъславъ —
тѣмою ся поволокоста
и въ морь погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.
На рѣцъ на Каяль тѣма свѣтъ покрыла —
по Руской земли прострошася половци,
аки пардуже гнѣздо.
Уже снесеса хула на хвалу;
уже гресну нужда на волю;
уже врѣжеса дивь на землю.
Се бо готьскыя красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю:
звоня рускымъ златомъ,
поютъ время Бусово,
лельютъ мечь Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселія!
Тогда великый Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смъшено
и рече:
«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвѣлити,
а себѣ славы искати.

Нъ нечестно одолъсте,
нечестно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца

въ жестоцемъ харалузь скована
а въ буети закалена.

Се ли створисте моей сребреней съдинь?

А уже не вижду власти
сильнаго,

и богатаго,
и многовога

брата моего Ярослава,

съ черниговскими былями,
съ могуты,

и съ татраны,
и съ шельбиры,

и съ топчакы,
и съ ревугы,

и съ ольберы.

Тии бо бес щитовъ, съ засапожники
кликомъ плъкы побъждають,
звонячи въ прадъдную славу.

Нъ рекосте: «Мужаймъся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подълнимъ!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити?

Коли соколъ въ мытэхъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ;

не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Нъ се зло — княже ми непособие:
наниче ся години обратиша.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкими
а Володимиръ подъ ранами.

Туга и тоска сыну Гльбову!»

Великий княже Всеволоде!

Не мыслию ти прелетѣти издалеца
отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!

Аже бы ты былъ,

то была бы чага по ногать,
а кошей по резань.

Ты бо можеша посуху

живыми шерешеры стрѣляти —
удалыми сыны Гльбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!

Не ваю ли вон

злаченными шеломы по крови плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина

рыкають, акы тури,
ранены саблями калеными
на поль незнаемъ?

Вступита, господина, въ злата стремянь

за обиду сего времени,

за землю Рускую,

за раны Игоревы,

бугега Святъславлича!

Галички Осмомысль Ярославе!

Высоко съдиши

на своемъ златокваннѣмъ столѣ,

подперъ горы Угорскыи

своими желъзными плъкы,

Нъ нечестно одолъсте,
нечестно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца

въ жестоцемъ харалузь скована
а въ буести закалена.

Се ли створисте моей сребреней съдинь?
А уже не вижду власти

сильнаго,
и богатаго,
и многовоя

брата моего Ярослава,
съ черниговскими былями,
съ могуты,
и съ татарны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ ревугы,
и съ ольберы.

Тии бо бес щитовъ, съ засапожники
кликомъ плъкы побъждають,
звонячи въ прадъдную славу.

Нъ рекосте: «Мужаимъся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подълимъ!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити?

Коли соколь въ мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ;
не дасть гнѣзда своего въ обиду.

Нъ се зло — княже ми неспособность:
наниче ся години обратиша.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкими

а Володимиръ подъ ранами.

Туга и тоска сыну Гльбову!»

Великий княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шелома выльяти!

Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногать,
а кошей по резань.

Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стрѣляти —
удалыми сыны Гльбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!

Не ваю ли вои

злачеными шелома по крови плаваша?

Не ваю ли храбрая дружина

рыкають, акы тури,
ранены саблями калеными
на полъ незнаемъ?

Вступита, господина, въ злата стремя

за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,

бугею Святъславлича!

Галичкы Осмомысль Ярославе!

Высоко съдиши

на своемъ златокованномъ столѣ,

подперъ горы Угорскыи

своими желъзными плъки,

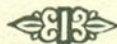
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремени чрезъ облакы,
суды ряда до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ огня злата стола
салътани за землями.
Стрѣляй, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

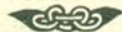
А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитьъ вашъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяеся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи паробци
подъ шеломы латиньскими.
Тѣми тресну земля,
и многы страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тьи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
утрѣпъ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ листовне срони:
по Рси и по Сули гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плѣку не крѣсити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на побѣду.
Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрилиц!
Не побѣдными жребии
собѣ власти расхытите!
Кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцкыи
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребренными струями
къ граду Переяславу,
и Двина болотомъ течетъ
онимъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,

позвони своими острыми мечи
о шеломы литовскыя,
притрепа славу дьду своему Всеславу,
а самъ подь чрълеными щиты
на кровавъ травь
притрепанъ литовскыми мечи
и с хотию на кров,
а тьи рекъ:

«Дружину твою, княже,
птиць крылы приодъ,
а звъри кровь полизаша».
Не бысть ту брата Брячяслава,
ни другаго — Всеволода.
Единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тьла
чресь злато ожерелие.

Уныли голоса,
понице веселие,
трубы трубятъ городеньскии!

Ярославлѣ вси внуце и Всеславлѣ
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи верезени.
Уже бо выскочисте изъ дьдней славь.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганяя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Котбрюю бо быше насиліе
отъ земли Половецкыи!

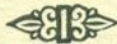
На седьмомъ вьць Трояни
врѣже Всеславъ жребий
о дьвицю себъ люблю.

Тьй клюками подпръ ся о кони
и скочи къ граду Къеву
и дотчеса стружиемъ
злата стола киевскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звъремъ
въ пльночи изъ Бьлаграда,
обьсися сиць мьгль утрѣже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влькомъ
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизь снопы стелють головами,
молотятъ чепа харалужными,
на тоць животъ кладуть,
вьютъ душу отъ тьла.
Немизь кровави брезь
не бологомъ бяхуть посьяни —
посьяни костью рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влькомъ рыскаше:
изъ Къева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хрсьови влькомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотьскъ позвониша заутренюю рано
у Святыя Софен въ колоколы,

а онъ въ Киевъ звонъ слыша.
Аше и вѣща душа въ дрѣзь тѣль,
нѣ часто бѣды страдаше.

Тому вѣщей Боянъ

и прѣвое припѣвку, смысленый, рече:

«Ни хытру,
ни горазду,
ни птицю горазду
суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли,
помянувшіе прѣвую годину
и прѣвухъ князей!
Того стараго Владимира
нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы,
нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть.
Копиа поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычеть:

«Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каяль рѣць,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцымъ его тѣль».

Ярославна рано плачеть
въ Путивль на забралъ, аркучи:

«О вѣтръ, вѣтрило!

Чему, господине, насильно вѣши?

Чему мычеши хиновскыя стрѣлки
на своею нетрудною крилцю
на моя лады вои?

Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ?

Чему, господине, мое веселие
по ковылию развѣя?»

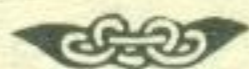
Ярославна рано плачеть

Путивлю городу на забороль, аркучи:

«О Днепре Словутицю!

Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.

Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады
до плѣку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивль на забралъ, аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячую свою лучи
на ладъ вой?
Въ полъ безводнѣ жаждею имъ лучи съпрятъ
тугою имъ тули затче?»

Прысну море полунощи,
идуть сморци мъглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Дона

Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою:
велить князю разумѣти:
князю Игорю не бытъ!
Кликну,
стукну земля,
въшумъ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию
и бѣлымъ гоголемъ на воду.

Въврѣжеса на брѣзъ комонь
и скочи съ него бусымъ влѣкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полеть соколомъ подъ мъглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обѣду,
и ужинъ.

Коли Игорь соколомъ полеть,
тогда Влуръ влѣкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече:
«Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа».
Игорь рече:
«О Донче!
не мало ти величия,
лелѣявшу князя на влѣнахъ,

стлавшу ему зельну траву
на своихъ сребреныхъ брезьхъ,
одѣвавшу его теплыми мѣглами
подъ сѣнию зелену древу;
стрержаше его гоголемъ на водѣ,
чайцами на струяхъ,
чрънядьми на ветрѣхъ».

Не тако ти, рече, рѣка Стугна:
худу струю имѣя,
пожрѣши чужи ручьи и стругы,
рострена къ устью,
уношу князю Ростиславу затвори.
Днѣпръ темнь березъ
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою,
и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сороки втрискоташа —
на слѣду Игоревъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакоу.
Тогда врани не граахуть,
галици помлъкоша,
сороки не трискоташа,
полозие ползаша только.
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловни веселыми пѣснями
свѣтъ повѣдаютъ.

Млѣвить Гзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнѣзду летить,

соколича рострѣяевъ
своими злачеными стрѣлами».
Рече Кончакъ ко Гзѣ:
«Аже соколъ къ гнѣзду летить,
а въ соколца опутаевъ
красною дѣвицею».

И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевъ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля пѣснотворца
старога времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромъ плечю,
зло ти тѣлу кромъ головы» —
Руской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитя на небесѣ,—
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвици поють на Дунаи,—
вьются голоси чрезь море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

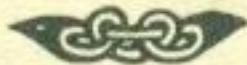
Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

«Слава Игорю Святѣславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганя плѣки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА

Солнце свѣтитъ на небесѣ,—
Игорь князь въ Руской земли;
дѣвицы поють на Дунаи,—
вываютъ голоса чрезъ море до Киева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй богородици Пирогошей.
Страны ради, гради весели.

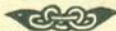
Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

«Слава Игорю Святѣславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плѣки!

Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

